

ТИМОТЕ ДЕ ФОМБЕЛЬ

КНИГА ДЖОШУА ПЕРЛА

КомпасГид
ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ

Тимоте Фомбель де
Книга Джошуа Перла

ИД "КомпасГид"

2014

УДК 821.133.1-053.2
ББК 84(4Фра)

Фомбель де Т.

Книга Джошуа Перла / Т. Фомбель де — ИД "КомпасГид", 2014

ISBN 978-5-00083-413-8

Эта детективная история началась дождливым вечером в Париже. До начала Второй мировой войны оставалось несколько лет, и люди еще выстраивались в очереди за сладостями. Жак Перл, как всегда, заворачивал мармелад в фирменную шелковистую бумагу, когда увидел на улице замерзшего и промокшего насквозь мальчишку лет пятнадцати. Тот не говорил по-французски, и как оказался здесь – загадка. Пройдет время, он возьмет имя Джошуа и заменит супругам Перл их умершего сына. А может, эта история началась в другой момент, как приключенческий роман. Тогда, когда 14-летний юноша, усталый и израненный, бежал через лес и наткнулся на удивительную хижину. В ней жил неразговорчивый мужчина по имени Джошуа Перл, отведший целую комнату своего жилища под чемоданы. Поразительно, сколько их тут! Но еще удивительнее их содержимое. Аккуратно завернутые в бумагу с надписью «Кондитерская „Дом П“», хранятся в них всевозможные диковинки. Маленький наперсток в красной коробочке, янтарный шарик с застывшей внутри косточкой, череп из слоновой кости – не иначе как бесценные артефакты, украденные где-то? Возможно, есть у этой истории и третье начало, самое невероятное: юный Илиан влюбляется в прекрасную девушку Олию, но вместе им быть не суждено... С чего ни начни рассказ, история покажется невероятной. По крайней мере тем, кто утратил способность верить в сказку. Роман Тимоте де Фомбеля отмечен специальным призом за лучшее произведение для подростков на книжном салоне Монтрёй во Франции. Другие его романы также выходили на русском языке в издательстве «КомпасГид»: «Тоби Лолнесс», «Ванго», «Девочка из башни 330».

УДК 821.133.1-053.2

ББК 84(4Фра)

ISBN 978-5-00083-413-8

© Фомбель де Т., 2014
© ИД "КомпасГид", 2014

Содержание

Часть первая. Пассажир грозы	7
1. Вдали от всех королевств	7
2. Сквозь слезы	11
3. Убежище	14
4. Девушка	17
5. Сокровище	20
6. Маленькие привидения	23
7. Потерпевший кораблекрушение	27
8. Слуховое окно	31
9. Жил-был	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Тимоте де Фомбель

Книга Джошуа Перла

Художник Маргарита Чечулина (Greta Berlin)

© Gallimard Jeunesse, 2014

© ООО «Издательский дом «КомпасГид», издание на русском языке, 2018

* * *

Часть первая. Пассажир грозы

1. Вдали от всех королевств

Кто бы мог поверить, что это – фея?

Чтобы выбраться из башни, она разорвала одежду и связала канат. Чтобы одеться – сдернула с бельевого веревки чью-то рубашку. Разве феи так поступают?

Девушка, бежавшая по ночному пляжу, и не была феей. Больше не была. Накануне она отказалась от магии. И стала такой же, как все. Возможно, чуть более растерянной. Чуть более пылкой. Чуть более красивой, чем другие. Но все-таки – вполне земной.

Белый песчаный пляж простирался на многие километры вдоль моря, блестящего при свете звезд. За пляжем чернели леса. Теплая ночь была светлой, почти как день. Все звуки тонули в шуме волн.

Она бежала по мокрому песку, и в ее следы, мгновенно наполнявшиеся водой, заползали маленькие крабы. Она совсем обессилела. Она не знала, который час. Знала только, что в полночь всё будет кончено.

Он умрет.

Еще вчера, чтобы поскорей добраться до места, она бы оседлала волну или пролетела над лесом.

Еще вчера она была феей. Была обречена пережить свою любовь.

И она отрелась. Ради того, чтобы состариться с ним рядом.

Такое случается крайне редко. Даже в самых старых сказках.

Вдали, за каменной насыпью, тускло краснел плавучий маяк в виде корабля, зажигающийся, чтобы заманить на скалы суда из других королевств.

Его привели сюда на казнь.

Расстояние до маяка казалось непреодолимым, пляж – бесконечным.

Она задыхалась. Ветер сбивал с ног, сердце колотилось, израненные ступни саднили, предательски наваливалась усталость. Вот она, желанная человеческая участь!

И все-таки она ни о чем не жалела.

Она хотела быть такой же, как он. Хотела быть с ним.

Наступила ли полночь? Она попыталась определить час по цвету неба. Феи всегда приходят вовремя. Но это больше не про нее.

Наконец она добралась до первых скал. Луна уже опускалась в море. Свет маяка, казалось, стал ярче, камни под ногами – теплее. Теперь совсем близко. Она перепрыгивала со скалы на скалу. Маленькое белое пятнышко на черном базальте.

Свет маяка для кораблей – надежда. Она тоже надеялась. И тоже потерпела крушение.

Его глаза оставались широко открытыми. Ему было, как и ей, пятнадцать или шестнадцать. Он лежал на палубе. Совсем один.

Она рухнула на холодное тело.

– Любовь моя...

Всхлипывала на каждом вдохе. Сжимала его голову, всё еще надеясь увидеть свет в этих глазах. Сердце билось за двоих. Билось и разбивалось. Корабль качался на волнах, но никуда не плыл.

– Любовь моя...

Цеплялась за его плечи. Прятала лицо в волосах. Шептала, уткнувшись в шею. Умоляла, упрекала, оплакивала.

Наконец умолкла.

В топке маяка, видимо, сожгли кедр. Запах ладана, перекрывавший все прочие, напомнил ей, что и она теперь смертна.

Она с трудом приоткрыла заплаканные глаза. Среди скал двигалось пятно фонаря. Кто-то шел в их сторону. Оторвавшись от мертвого возлюбленного, она укрылась в тени.

Прошло несколько минут. Она беззвучно плакала, сцепив руки. Человек с фонарем приближался.

Медленно, лениво он ступал по извилистой тропинке среди дубовых стволов, похожих на колонны. Он был уже немолод. За собой он тащил пустые носилки, на которых перевозят покойников.

Она смотрела на него из тьмы. Это – палач? Он вернулся, чтобы избавиться от тела?

Человек нагнулся над мертвым и пробормотал:

– Тебе не будет страшно. Я отнесу тебя в ущелье.

Бесшумно выскочив из тени, она сбила его с ног, с быстротой молнии выхватила у него из-за пояса топорик и занесла над головой, готовая расколоть ее, как орех. Растянувшийся на палубе человек с ужасом таращился то на нее, то на сверкавшее перед глазами лезвие.

– Ты убил его, – произнесла она.

Он ничего не ответил, пытаясь угадать, кем была эта легкая, как пух, дикарка, чьи острые колени пригвоздили его к полу.

– Я не убивал, – простонал он наконец.

– Кто?

Ветер гнал в их сторону светлячков, избежавших огня.

– Никто.

Топор угрожающе дрогнул.

– Тааж.

Она замерла.

– Тааж приказал... привести сюда и убить...

– Где он?

– На своих болотах.

– Значит, Тааж убил его.

– Нет! Никто! Клянусь, его никто не убивал!

Она сжала топор и зажмурилась, чтобы не видеть, как хлынет кровь.

– Когда я сделаю свою работу, Тааж убьет меня...

– Какую еще работу?

– Я должен спрятать тело в ущелье... Но я знаю! Я один знаю: он не делал этого! Тааж не хотел убивать сына короля!

– Тааж убивает, как дышит. Я знаю его.

– Но его страшат души королей.

– Кто убил? – устало повторила она.

– Я не могу сказать! – заплакал он. – Но ты не убьешь меня! Иначе никогда ничего не узнаешь!

Она медленно опустила топор и закрыла глаза. Да, это так. Теперь до конца дней ее будет мучить эта загадка.

– Кем вам приходится юный принц? – осторожно спросил незнакомец.

Она молчала. Ей вдруг вспомнилось, как холодным утром он выходил из озера, над которым висел туман, и от его тела шел пар.

– В этом теле его больше нет.

Он вздрогнула и уставилась на говорившего. Ей послышалось?

– Он жив. Его изгнали.

– Где он?! Куда?!

– Он там, откуда не возвращаются. Тааж отправил его в ссылку, чтобы не пришлось убивать.

– Да куда же! Отвечай!

Она опять схватила за топор.

– Тааж сказал, ни одна дорога не приведет его обратно. Только волшебство могло бы ему помочь...

От последних слов у нее перехватило дыхание. Выходит, она потеряла всё: и любовь, и магию.

Бывшая фея склонилась над принцем. Погладила его холодный лоб. Где, в каких краях он проснулся? Где это королевство, откуда нет возврата?

Голос за ее спиной вдруг ответил:

– Он в том единственном времени, в той единственной земле, где не верят ни в фей, ни в сказки...

Море, казалось, успокоилось. Слышно было только шипение пены. А вдали, на пляже, – топот конских копыт.

2. Сквозь слезы

На стволе дерева осталась кровь. Вокруг простирался густой темный лес. Мне было четырнадцать. Я нес сумку через плечо, мокрые волосы лезли в глаза. Я шел, не разбирая дороги.

Я пытался сбежать от невыносимой тоски. Я брел по лесу уже три часа.

Если бы я не оперся о дерево, если бы не взглянул на свои руки, может, ничего бы и не случилось. Я бы не заблудился, нашел дорогу, которая светилась всего в нескольких километрах от меня.

Но я поднес ладони к глазам и увидел кровь, липкую, как сок красного персика.

Под ногами шуршали опавшие листья. Еще не стемнело. Свет сеялся сквозь ветви каштанов, едва освещая камни, поросшие мхом. Наклонившись, я обнаружил в шаге от дерева еще одну большую каплю крови.

Она указывала, куда идти.

Я понял, что где-то среди деревьев скрывается раненый, который, возможно, нуждается в помощи.

– Кто здесь?

Я произнес это тихо и хрипло, будто говорил сам с собой, и снова взглянул на свои дрожащие руки. Я сбежал без пальто, с одной сумкой, в отчаянии. Я бросил велосипед в траве, на обочине большой дороги. Углубился в лес, чтобы забыть о ней.

Неведомая сила влекла меня в чащу. Я шел по следу, будто волк. Пригибаясь к земле, чтобы различить под ногами капли крови, указывавшие путь. Я мчался вперед, раздвигая ветви, втапывая в землю ягоды и колючки.

Порой мне казалось, что моя грусть отстаёт, что воспоминаниям тяжело преследовать меня по этим джунглям. Легкое дыхание девушки пропадало где-то в прошлом и больше не мучило меня...

Тогда я замедлял шаг и ждал, когда воспоминания меня настигнут. Я бежал от тоски, но я не хотел от нее освободиться.

Как ее звали? Она не сказала.

Запрокинув голову, я пронзительно кричал в пустое небо.

Если бы кто-то был в опасности, он бы уже отозвался. Однако мне отвечала лишь тишина. Я натянул капюшон. Кое-где с ветвей падали капли дождя. Никогда раньше я не кричал там, где никто не слышит. Слезы катились из глаз, было страшно. И в то же время я ощущал какое-то странное удовольствие. Я кричал что было мочи. Смеркалось, и тьма отсекала меня от мира, который я знал.

Внезапно между двумя поваленными деревьями я увидел косулю. Она смотрела на меня в упор и не двигалась с места. Я подумал, что отыскал раненое животное, по следу которого шел. Ничего подобного: шерстка косули была чистая и гладкая, как на картинках в детских книжках. Ножки внизу – почти белые. И никакой крови.

Казалось, косуля удивлена не меньше меня. С листы сорвалось несколько капель, которые разбились о мох, словно хрустальные шарики. Косуля отступила на шаг. Я знал, что, если пошевелюсь, она исчезнет навсегда, подобно девушке, что пару часов назад выпорхнула из моих объятий.

Наконец я шагнул вперед, косуля умчалась, и всё вокруг погрузилось во мрак.

Земля под ногами становилась неровной. Я двигался на ощупь от дерева к дереву. Крови уже не было видно. Я не чувствовал ничего, кроме холода, который набрасывался на меня, стоило только остановиться.

Еще шаг, и далеко впереди я увидел светлое пятнышко, изгибавшееся подобно волне. Оно было похоже на маленький переливчатый золотой коврик, который ни на секунду не переставал двигаться. Я закрыл глаза. Открыл. Коврик оставался на том же месте. Когда я попробовал приблизиться, ноги куда-то провалились.

Наконец я понял, что происходит. Передо мной мерцала широкая река. Я слышал ее журчание. А квадратное пятнышко было отражением освещенного окна.

Я поставил на плечо сумку с моим «сокровищем» и решительно вошел в воду.

Течение изо всех сил толкало меня влево, но я не поддавался. Внезапно свет погас. Я пытался разглядеть в темноте дом. Ведь на берегу, несомненно, должен был стоять дом...

Сила отчаяния, с которой я бросился в лес, теперь становилась моей союзницей: шагала во мраке бок о бок со мной.

Я был уже по пояс в бурлившей воде. Я знал, что опасно переходить незнакомые реки среди ночи. Ноги утопали в иле. Иногда течение толкало меня, чтобы я упал. Но я продолжал идти, крепко прижимая к себе сумку.

Я думал, что спасен. Большую часть реки я точно преодолел. Внезапно у меня свело шею, голова закружилась. Ночь, казалось, водила вокруг хороводы. Что произошло? Я напрягал мышцы, чтобы не упасть. Силы покидали меня. Я мог утонуть.

На секунду в окошке снова зажегся свет. Несмотря на головокружение, я различил силуэт. Уверенный, что меня заметили, я не двигался с места. Вспомнив о крови в лесу, я хотел повернуть назад, но вдруг услышал, как кто-то трижды прыгнул в воду примерно в десяти метрах от меня. В этот момент холод стал невыносимым. Спустя секунду я увидел трех существ, плывущих по реке. Животные боролись с течением. Их головы виднелись на темной поверхности. Я потерял равновесие, сумка коснулась воды, но я вовремя успел ее подхватить.

Черные тени, рассекая волны, двигались в мою сторону.

Мне хотелось добраться до берега, но тело больше не слушалось.

Наконец я смог повернуть голову. Свет погас, и животных было уже не видно, но я понимал: они где-то рядом. Я хотел закричать – и не мог. Я представлял себе мускусных крыс, медведей, анаконд. Неведомое существо, нырнув, внезапно коснулось моей ноги. Звери решили наброситься на жертву все вместе... Я уже почти потерял равновесие, когда кто-то в темноте схватил меня за плечи. Челюсти скользнули по моей коже, но схватили только куртку. Почувствовав, что меня оторвали от речного дна, я потерял сознание.

Открыв глаза, я увидел, что лежу на понтонном мосту. Человеческие руки, показавшиеся огромными, поддерживали меня. Я был не в силах пошевелинуться. И вскоре снова впал в беспамятство.

Помню свое странное состояние, какие-то тени, ночных птиц, смех девушки, из-за которой я покинул мир.

Тяжелый сон накрыл меня с головой, и я едва дышал. Я не просыпался очень долго.

Я пришел в себя, ощутив близость огня, прикосновение льняной простыни и запах горящих шишек. Полное блаженство после кошмара.

Тишина свистела и порой стрекотала. Я был в убежище. Снаружи шел дождь. Я наслаждался приятной тяжестью одеял. За белым изгибом подушки я увидел трех собак, спавших у камина. Где их хозяин, великан, спасший меня из воды? Я поднес руку ко лбу и нащупал повязку.

– Вы поранились о колючий кустарник...

Голос шел откуда-то сверху, с другого края кровати, словно голова великана касалась потолка. В полутьме я не видел его гигантского тела.

– Я вытащил иголки ногтями, – сказал он.

Тепло больше не внушало доверия. Я думал о длинных, как серпы, ногтях. Как бы сбежать? Мне рассказывали, что пленники всегда жалеют о первых минутах, когда они еще могли сбежать. Я нашел глазами дверь. Чтобы добраться до нее, надо было перешагнуть через собак. Одна из них проснулась и лизала лапу.

– Скорее всего, кровь шла несколько часов. Мои собаки вовремя вытащили вас из воды.

В этот момент в камине вспыхнула шишка. Вся комната озарилась светом. И я наконец увидел хозяина. Он стоял на верхней ступеньке приставной лестницы и убирал на полку красные и коричневые коробки. Он ничуть не походил ни на великана, ни на людоеда. Он слегка повернулся ко мне.

Теперь я вспоминаю, что его лицо сразу показалось мне каким-то нездешним. Но я тут же отвлекся на другую мысль, и первое впечатление рассеялось. Он повторил:

– Вы потеряли много крови.

И тут я понял, что капли крови, которые привели меня сюда, были моими. Всякий раз, когда я наклонялся, с моего лба капала кровь, и сквозь слезы я видел именно ее. Раненый, которого я хотел спасти, оказался мной самим!

3. Убежище

Несколько минут я, не открывая глаз, размышлял над происходящим. Я слышал, как скрипит приставная лестница. Наверное, хозяин думал, что я сплю. Я ждал подходящего момента. В моей голове возник план.

Внезапно я встал, бесшумно, как оживший мертвец. Ноги коснулись пола.

Дремавшие у камина собаки видели, как я пробрался к дверям, не сумев их открыть, пересек комнату, схватил раскаленную кочергу – мне ведь было необходимо оружие, обжегшись, бросил, завопил как индеец, завертелся, вскочил на стол и сиганул в окно.

Собаки, наблюдавшие за этим цирковым представлением, и ухом не повели. Хозяин, возможно, даже не понял, что к чему. Однако я успел вывихнуть лодыжку, завопил громче прежнего и расквасил нос о землю, хоть и поросшую травой, но все-таки твердую.

Браво.

Иногда борьба за жизнь выглядит уморительно драматично.

Итак, я полз на локтях. После падения я продвинулся метра на полтора. За десять минут. Дождь шел всё сильнее. Я извивался, как угорь, в мокрой траве и понимал, что далеко мне не уйти. Тем не менее никто не вгрызался клыками в мои икры и не всаживал в спину топор. Наконец я впал в глубочайшее равнодушие.

Та же реакция ждала меня, когда я вернулся в дом. Исключительное спокойствие. Мужчина сидел за столом, что-то записывая в большую книгу. Сконфуженный, я прохромал к постели. Собаки теперь спали в ногах у хозяина. Несколько секунд тот молчал, погруженный в работу. Меня трясло, и я натянул одеяло до подбородка.

– Что это было? Побег?

Он даже не поднял головы от записей. Его улыбка была едва заметной. И ни капли иронии в голосе. Я устыдился еще больше.

– Кто вы? – спросил я.

Он прищурился, словно вопрос требовал длительных размышлений и не подразумевал однозначного ответа. Словно я спросил, существует ли Бог, есть ли край у Вселенной и можно ли на нем повиснуть, как на балконной решетке.

Впервые он взглянул на меня. И смотрел долго.

Таких, как я, у этого человека, несомненно, было четверо или пятеро. Они наверняка висели под потолком в кладовой. Хозяин, вероятно, планировал сделать из моей черепушки пресс-папье, а из моих фаланг – приборы для разделявания улиток...

Вместе с тем я больше уже не мог бояться. У мужчины были короткие седые волосы, грубая куртка столяра и изящные руки золотошвейки. Я бы дал ему лет шестьдесят. Он крутил в пальцах карандаш и выглядел сосредоточенным, спокойным. Его серые глаза напоминали море под дождем.

Я пытался противостоять этому образу и повторял про себя, что не должен уснуть. Не должен. Не должен.

Однако этот припев и усталость усыпили меня.

Во сне, воспользовавшись моей беспомощностью, ко мне вернулась она. Ей было четырнадцать или чуть больше. Она ступала по обломкам того, что разрушила. Я чувствовал ее ступни на своем теле. Но, несмотря на боль, не прогонял ее. Я предпочитал боль разлуке.

На рассвете дождь прекратился. Дом казался пустым. На постели играли солнечные лучи. Я поискал глазами сумку, с которой пришел. Но она исчезла. Спустив ноги с кровати, я понял, что не могу сделать и двух шагов. Боль не утихала.

Я внимательно разглядывал помещение. Едва разлепив глаза, я уже придумывал новый план побега и ждал подвоха от врага. Наконец я понял, что нахожусь в удивительном месте:

в большой квадратной комнате, немного задымленной из-за камина, с двумя окнами и дубовым потолком, который надежно подпирали два столба. Мебель не загромождала пространство: стол, который я видел накануне, длинная тумба с выдвижными ящиками, несколько табуреток. Вдоль одной из стен до самого потолка тянулись аккуратно сложенные дрова, удерживаемые металлическими кольцами. С таким запасом дров холода могли бы тянуться бесконечно. Еще в комнате стояло старое продавленное кресло, а под потолком висели четыре лампочки. Также следует упомянуть раковину, лестницу, корзины и старый велосипед, прислоненный к электропиле, которая, подобно предмету декора, красовалась прямо посреди помещения. Но самое странное находилось у меня за спиной, около кровати.

Целую стену занимали наваленные друг на друга чемоданы. Их были сотни – картонные и кожаные, деревянные и с металлической окантовкой, обитые тканью и простые, блестящие и матовые, лакированные и без отделки, желтые, коричневые, красные, голубые... Вся стена состояла из чемоданов.

Зрелище напоминало пункт сортировки багажа на железнодорожном вокзале. И всё окутывал легкий дымок из камина.

– Вы уезжаете в путешествие?

Я задал этот вопрос хозяину, который только что вошел. Он не ответил, только положил на стол сумку.

Это была моя сумка.

– А ты? Куда ты направлялся? – спросил он, впервые говоря мне «ты».

Я не знал, что ответить. Я бежал от тоски, но с какой целью? В поисках утешения?

Он не отставал:

– Ты был один?

– Да.

– Сколько тебе лет?

– Четырнадцать.

– Тебя не будут искать?

– Кто?

Он стоял в лучах солнца, а я смотрел против света.

– У тебя есть семья?

У меня была целая коллекция родственников всех возрастов, но в ближайшую неделю никто из них не собирался меня искать. Не зная, что он задумал, я решил насчет этого особо не распространяться.

– А у вас есть семья?

Его лицо снова превратилось в черную дыру, где вопросы исчезали навеки, а ответов приходилось ждать несколько световых лет. Открылась дверь, и вошла одна из собак, похожая на волка.

Хозяин принялся выгружать на стол содержимое моей сумки.

– Что вы делаете?

Я хотел подняться, но забыл о вывихнутой лодыжке: мне показалось, что в ногу пару раз выстрелили из ружья. Я рухнул на кровать с криком: «Вещи хрупкие! Не трогайте!»

Он копался в моей сумке и раскладывал предметы, выстраивая квадрат.

Теперь на столе лежали нож со стопором, тетрадь, фотоаппарат, шесть пленок в серых и черных коробочках и маленькая камера модели Super-8.

– Оставьте, пожалуйста...

Сперва он взял в руки фотоаппарат.

– Я собирался выбросить это в реку, – сказал он.

Сердце мое заколотилось. На пленках было единственное, что осталось мне от нее. Несколько еще не проявленных фотографий. Мое сокровище.

– Не знаю, зачем ты явился ко мне со всем этим.

– Я заблудился. Я не собирался приходить к вам.

– Это твои вещи?

– Да.

Если честно, фотоаппарат принадлежал моему отцу, камера – матери, а пленки я взял из комода у нас в гостиной. Так что, по правде говоря, я не владел ничем, кроме воспоминаний, зафиксированных на пленке. Да и воспоминания уже не внушали мне уверенности: мои ли они?

Мужчина повернулся ко мне спиной. Кажется, он размышлял.

Сегодня мне известно, как в той комнате за несколько секунд крепко-накрепко завязались узелки наших судеб. Я отлично представляю, что было бы с моей и его жизнью, если бы сумка утонула в реке. Зачем он потянул за тоненькую ниточку, именно ту, которая подвергала его опасности? Ведь он и без того годами жил в страхе. Зачем он выбрал самый ненадежный путь?

Он протянул мне фотоаппарат.

Как он мог предугадать, что этот величайший риск – риск доверия – впоследствии спасет его?

Думаю, нас обоих спасла жестокая девушка, запечатленная на пленке. Я вспомнил о ней – и на глаза навернулись слезы. Как раз в эту секунду он обернулся.

Прошло еще немного времени. Хозяин собрал мою сумку и бросил на кровать.

– Не пользуйся этим, пока ты в моем доме, хорошо?

Дверь заскрипела. Вошли остальные собаки.

– Ты понял?

– Да.

4. Девушка

На третий день мне удалось дойти до камина. Но я не слишком обрадовался. Я всё меньше торопился выздоравливать. Дом с его темным деревом и черепицей зачаровал меня. Он защищал от тоски.

Прислонившись плечом к стене, я смотрел на расстояние, которое преодолел, и не верил своим глазам. Старое кресло рядом со мной напоминало жабу, гревшуюся у камина. Сесть в него я не решался. Благодаря теплу и свету очага казалось, что кресло дышит. Стена, составленная из чемоданов, тоже выглядела живой. С первой же секунды я проникся к ней симпатией.

Наверху слышались шаги хозяина. Он редко поднимался туда – только чтобы отнести свои загадочные чемоданы да поздно вечером, когда приходила пора ложиться спать, потому что внизу я занимал его постель.

Я был одет в ту одежду, которую в первое утро нашел у себя на кровати. Никогда раньше я не носил ничего подобного: великолепные штаны из ткани более плотной, чем театральный занавес, вязанный черный жилет, носки до колена.

Меня принимали как почетного гостя. Хозяин дома ни разу не спросил, когда я планирую уехать.

Я слышал, как на улице резвятся, купаясь, собаки. Я прекрасно чувствовал себя, стоя в полутьме. Едва наступала ночь, на окнах опускались темные занавески. Ни один луч света не проникал в спальню.

Я пытался представить себе жизнь хозяина дома.

Он жил в стороне от мира, занимался непонятными делами, записывал что-то в тетради, перебирал неведомые коробки и чемоданы, словно готовясь в любой момент взять свой огромный багаж и уехать. Почему его жизнь стала такой? Я отодвинул занавеску и увидел в окно, как он собирает последние осенние овощи в огороде, располагавшемся на узкой полоске между домом и рекой. Несколько часов в день он охотился в лесу, а потом возвращался с кроликом или с птицей, которую волокли собаки.

Стоя у камина, я заметил на одном из столбов, подпиравших потолок, маленькую рамочку. Балансируя, как эквилибрист, чтобы поменьше наступать на больную ногу, я подошел поближе и разглядел старую черно-белую фотографию. На ней был снят кусочек тротуара и огромная витрина магазина. Снаружи шел снег, дверь была приоткрыта, и внутри стояли мужчина и женщина, наверное, владельцы лавки. На витрине красовалось восемь букв, блестящих, словно на вывеске ювелира:

СЛАДОСТИ

А над этим словом:

Дом П.

Лавочка «Дом П.» казалась простой и изысканной. На тротуаре в снегу стояли три коробки, готовые к доставке. В правом нижнем углу фотографии кто-то написал:

*Скоро Рождество!
Дела идут прекрасно.
У нас всё хорошо. Береги себя!
Не трать силы понапрасну.*

Я также разобрал дату, неловко выведенную уже другой рукой: 1941.

Эта фотография довершила в моем сознании образ хозяина дома. Тот, кто вешает на стену фотографию магазина сладостей, не может быть совсем уж плохим. Еще мне понравилась надпись.

Это была частичка другого мира, в котором люди общались, обменивались новостями. Фотография «Дома П.» меня очень порадовала, немного смягчив напряжение, вызванное таинственностью дома, в котором я провел уже три дня.

– Ты ходишь?

Я не слышал, как скрипнула лестница. Хозяин стоял у камина и смотрел на меня.

Указав на фотографию, я спросил:

– Это была ваша семья?

– В какой-то степени.

Я почувствовал, что могу разговорить его, и попробовал воспользоваться этим.

– А что в чемоданах?

– Подойди. Хочу посмотреть, как ты ходишь.

Я сделал несколько шагов в сторону камина. Хозяин дома почти улыбался.

– Видишь ли, она не последняя, из-за кого ты будешь бегать по лесам.

– Кто?

Я посмотрел на него в недоумении. Он подтолкнул меня в старое кресло, куда я мягко приземлился. Мой вид, кажется, позабавил его.

– О чем вы?

– Да так.

Он присел на корточки перед камином. В такой позе он обычно готовил. Дважды в день он подавал мне еду, подобно кузнецу извлекая свои творения из огня. Но в этот вечер он не запекал принесенную с охоты птицу, начиненную каштанами, а только смотрел на угли неподвижным взглядом.

– Неужели я рассказывал вам о ней? – спросил я.

Он попытался сменить тему:

– Ничего здесь не трогай, хорошо? Не открывай чемоданы.

– Я рассказывал?

– Это необязательно.

– То есть вы и так знаете?

– Ничего я не знаю, – ответил он. – Просто вижу, в каком ты состоянии.

Он помешал угли и добавил:

– Я всё понимаю. Я однажды выпрыгнул из поезда. Это не так больно.

Я не очень понимал, о чем он, но его слова тронули меня. Да-да, в тот момент, когда я бросил велосипед в траве, чтобы бежать через лес, я чувствовал себя так, словно спрыгнул с поезда. Встреча с ней – прожгла меня насквозь, разлука – ранила навылет. Как разрывная пуля.

Несколько дней назад я пережил любовную катастрофу, и земля, казалось, всё еще дрожит у меня под ногами.

– Я не знаю даже ее имени, – объяснил я. – Она мне ничего не оставила. Вам этого не понять. Никому не понять.

Он не шелохнулся. Я открыл ему то, чего не смог бы поведать ни лучшему другу, ни братьям. И хотя я не видел его лица, мне было ясно: эта боль ему знакома, она пронзила насквозь и его жизнь.

Он смотрел на свои руки, озаренные пламенем, так, будто на них проецировались кадры воспоминаний.

– Завтра меня не будет, – сказал он. – Я оставляю собак и вернусь послезавтра. Пожалуйста, последи за огнем.

Он поднялся и отправился спать, не попытавшись разузнать подробнее о моей тайне.

Один день и одна ночь.

В свои четырнадцать я еще ни разу не владел такой безграничной свободой: временем, всецело принадлежащим мне. И достаточно было остаться в одиночестве в маленьком доме на берегу реки, чтобы воображение разыгралось не на шутку.

5. Сокровище

Мое первое утро без него началось с приступа тоски, от которой, как мне казалось, я уже излечился.

Натягивая мою одежду, постиранную хозяином, я вдруг обнаружил в кармане голубое перышко, которое нашел незадолго до встречи с *ней*. Потом она три дня носила это перышко в волосах. В последний вечер перед разлукой я, предчувствуя беду, украл его.

Прикоснувшись к осколку моего рухнувшего счастья, я поневоле отмотал воспоминания назад – к тому роковому дню, когда она вдруг появилась в зарослях тростника возле мостков для стирки.

Я понюхал перышко. Теперь оно пахло лишь свежим мылом. Я положил его на стол и накрыл перевернутым стаканом, в детстве я так делал с бабочками.

Сел на стул.

Ожидая, пока успокоится сердце, я разглядывал комнату, озаренную осенним солнцем. Смотрел на стену из чемоданов, искрящуюся тайнами. С самого начала загадка этого дома вызывала во мне какую-то сладостную боль, волнение, неведомое желание, отвлекающее от моего горя.

Наступил полдень. Я стоял по колено в воде и охотился на раков. Они целыми стаями ползали вокруг, поднимая со дна тину. Я ловил их руками. Трех я бросил на понтонный мост, чтобы они меня не ущипнули.

Внезапно что-то прошуршало в кустах на другом берегу. Я поднял голову. Хозяин должен был вернуться только завтра. Я обернулся к собакам, спавшим в траве рядом с домом. Они не шелохнулись.

Я продолжал свое занятие, изредка поглядывая на другой берег. Когда-то я уже ловил раков вместе с братьями на маленьких водопадах. Я вспомнил, как хрустели черные монстры в корзинах, вспомнил наш нескончаемый восторг, обнаженные торсы, ледяную воду в разгар лета...

Всё это осталось в прошлой жизни: в жизни до лодки, до девушки, которая исчезла, бросив меня, как сломанную игрушку. Я вспоминал те времена, не зная, жалею ли о них.

На этот раз шум раздался в зарослях ольхи возле дома. Будто ветка упала в реку. Или утка, взлетая, забила крыльями по воде. Только вот утки не было. Деревья на берегу отбрасывали тени. Собаки встрепнулись, но их интересовали только раки, норотившие сбежать с понтонного моста. Хромая, я вышел из воды и направился к камышам.

Спокойствие собак меня удивляло. Обычно они начинали волноваться, стоило ящерке зевнуть в ста метрах от них.

Подойдя к ольхе, я поднял с земли палку, чтобы раздвинуть плавающие в воде корни, и с тревогой огляделся вокруг. Затем вернулся к понтонному мосту. Большинство раков меня не дождалось. Двух оставшихся я положил в миску, которой после дождя вычерпывают воду из лодок.

В этот момент мне показалось, что *она* здесь.

Вокруг сеялся золотистый свет, и я обернулся, уверенный, что видел ее отражение. В окне мелькнул силуэт. Мое сердце сжалось.

Это длилось всего секунду. Но я ее узнал.

Я бросился к дому, забыв о больной лодыжке. Собаки, беспокоясь, бежали следом. Я толкнул дверь и ступил в крошечную тьму.

– Кто здесь? – крикнул я.

Глаза постепенно привыкали к мраку. Обернувшись, я увидел, что за моей спиной нет никого. Даже собак.

Я вслушивался, пытаюсь уловить скрип половиц наверху. Напрасно.

– Я видел тебя. Ты здесь.

Я ходил туда-сюда перед окнами, искал под лестницей.

– Скажи мне, где ты.

Одна из собак теперь терлась о мои мокрые ноги, пытаюсь успокоить меня почти кошачьим урчанием. Я оттолкнул ее.

Остановился посреди комнаты. Выглядел я, наверное, как безумец: босые ноги, подвернутые штанины, с которых на пол текла вода, дрожащие губы.

– Ответь!

Не стоило покидать дом ради нескольких раков. Я же знал, что моя тоска караулит под дверью, прячется в камышах.

Я чувствовал себя единственным человеком на белом свете и плакал, как маленький мальчик, потерявшийся в толпе. Мой голос слабел. Я оперся лбом о деревянный столб.

– Скажи, по крайней мере, как тебя зовут...

Мне понадобилось несколько долгих минут, чтобы успокоиться и понять: тоска сводит меня с ума. Если продолжать в том же духе, это плохо кончится. Я должен уйти. Не дожидаясь возвращения хозяина.

Надо набраться смелости и пойти по другому берегу реки, через лес. Через пару часов я отыщу свой велосипед или по крайней мере дорогу, увижу машины, людей, начну мечтать о чем-то серьезном, познакомлюсь с новой девушкой, с десятками новых девушек, одна из которых непременно украсит прическу разноцветными перьями, которые я ей подарю.

Я опустил на кровать, чтобы обуться. Собаки радовались, что я успокоился, и прыгали вокруг. Неестественное оживление часто охватывает собак после того, как их хозяин перестает плакать.

Я прошелся по комнате, снял с гвоздя свою куртку с капюшоном. Мимходом бросил взгляд на фотографию «Дома П.», взял сумку. Всё было на месте: фотоаппарат, камера и прочее. Я приготовился покинуть убежище.

И вдруг, повернувшись к стене с чемоданами, я заметил кое-что, чего раньше не видел. Один из чемоданов был открыт. Как я мог не заметить этого утром?

Я подошел ближе.

Внутри лежали маленькие аккуратные свертки из белой бумаги.

Я собирался закрыть чемодан, но одна из собак внезапно зарычала. Две другие приняли угрожающие позы. Я сделал еще шаг и остановился.

Потом осторожно вывел собак на улицу.

– Будьте здесь. Стерегите дом.

Я закрыл дверь. Я слышал, как они скребутся.

Я снова оказался в одиночестве.

Глянул в окно... Собаки предупредят о возвращении хозяина. Мне нечего бояться.

Чемодан был плотно набит белыми пакетами разной формы, большими и маленькими. Почти половину занимал прямоугольный сверток. Вероятно, таких свертков и таких пакетов в комнате были тысячи, если каждый закрытый чемодан таил в себе те же сокровища.

У меня руки чесались посмотреть, что внутри.

Как было устоять?

Я решился и, словно пытаюсь уменьшить свою вину, открыл самый маленький пакетик. В белую шелковистую бумагу с рисунком были завернуты какие-то предметы. Я боялся смять или запачкать изысканную бумагу.

Первым предметом оказался маленький наперсток в красной коробочке. Я покрутил наперсток в одной руке, держа коробочку в другой. В Париже, на улице Моцарта, я порой играл с бабушкиными наперстками, лежавшими в ее шкатулке для рукоделия. Но такого красивого и миниатюрного не видел никогда. Я поднес его к глазам. Он был сделан из позолоченного металла. На наперстке выгнулась, подобно волнистому волосу, выгравированная спираль. Она наматывала круги вокруг моего мизинца.

Я развернул второй пакет. Там лежал шарик из оранжевого стекла размером с большой человеческий глаз. Я почему-то подумал, что так должно выглядеть закатное солнце во время урагана. В середине шарика, оправленного серебром, застыла косточка от яблока. Наверное, это было украшение.

Потом я открыл пакет, где лежал кулон: маленький череп из слоновой кости, с темными дырами вместо глаз.

В следующем свертке под несколькими слоями бумаги я обнаружил крошечную ночную рубашку, расшитую жемчугом, белым и блестящим, словно рыбы икринки.

Мое сердце колотилось. Предметы лежали передо мной на белой бумаге. У меня не оставалось сомнений. Всё теперь сходилось: уединенный дом, собаки, черные шторы на окнах. Я был в логове грабителя. Хозяин обчищал музеи или замки и хранил здесь свое добро.

Подстегиваемый чувством опасности, я принялся распаковывать прямоугольный сверток из правой части чемодана. Я заметил, что все сокровища прятались под шелковистой упаковочной бумагой с выведенными на ней словами «Сладости, Дом Перла». За этой обманчивой оберткой скрывались сокровища грабителя, словно огромные изумруды, завернутые в фантики из-под конфет.

Однако пятый предмет выбивался из коллекции и несколько портил мою теорию. Это был кусочек сплетенных ивовых веточек, словно оторванный от какой-то мебели. Я не понимал, какую они могли иметь ценность. Разве что их оторвали от ларца Клеопатры или сундука Наполеона.

Тогда я и вообразить не мог, что именно эти веточки, когда-то бывшие колыбелью, представляли наибольшую ценность. Каждую весну они покрывались почками, притягивая птиц, и хозяин дома плакал, когда брал их в руки.

Я положил все предметы на место и аккуратно закрыл чемодан. Пора было уходить.

Надев рюкзак, я толкнул дверь. Собаки облизали мои руки и посмотрели вслед так, словно не верили, что я ухожу.

И они были правы.

Войдя в реку, я услышал тот же шум, что раньше, при ловле раков. Биение сердца, крыла, шлепанье влажной юбки. Я зажмурился, пытаюсь сопротивляться неприятному чувству, которое накатывало вновь и вновь. Я вспомнил о голубом перышке, оставленном под колпаком стакана.

Я вошел в дом, радуясь, что есть повод вернуться. Комната встретила меня запахом горящих шишек и отблесками огня на медной отделке чемоданов. Ради такого зрелища хотелось остаться.

Я шагнул к столу, поднял стакан.

Перышко исчезло.

6. Маленькие привидения

На следующий день он обнаружил меня, полностью одетого, спящим поперек кровати. Я не смел шелохнуться.

Видимо, на рассвете от усталости я все-таки отключился.

Я прислушивался к его шагам. Догадывался ли он о том, что я делал ночью? Хозяин пытался разжечь огонь. Когда чайник засвистел, я осторожно повернул голову. Он не смотрел на меня. У двери стоял новый чемодан.

Я собирался удрать до его возвращения, но сон испортил мои планы. Я оглядел комнату. Другие чемоданы стояли на своих местах, а фотоаппарат волшебным образом оказался в сумке у кровати.

Я не мог вспомнить, как закончилась ночь.

Накануне исчезновение перышка сбило меня с толку.

Сперва я целый час лежал на кровати и думал.

Затем достал фотоаппарат, словно какое-то оружие.

Я слишком хорошо знал, что произойдет. Если девушки и перья исчезают, не оставив следа, всё остальное тоже испарится, как только я перейду реку. Дом, его хозяин, грушевые деревья, прислонившиеся к стенам, чемоданы, их содержимое, раки, черные собаки. Всё могло пропасть. Я был окружен маленькими привидениями, которые скрежетали своими клешнями и шуршали юбками у воды, чтобы меня позлить.

Так что я переступил черту дозволенного и провел вторую половину дня, фотографируя дом и его сокровища.

Вот уже целый год я использовал фотоаппарат как безжалостное оружие, которое позволяло прогонять призраков, прикалывая их к стенам. Я открыл для себя лабораторию отца, залитую красным светом, где в прозрачных ванночках на фотографиях проявлялись все краски мира. Я просиживал там часами.

Эта внезапная страсть и завела меня в глушь. Родители разрешили записаться на курсы во время каникул.

Объявление на дверях булочной гласило:

Окунитесь в мир фотографии.

Одна неделя осени,

и вы откроете для себя фотографию.

Под надписью почему-то была нарисована курица, сидящая на фотоаппарате.

Каждый вечер, лежа в кровати, я крутил в руках кусочек бумаги размером с билет на метро. Мне казалось, курица смотрит с вызовом.

В первый день каникул меня проводили на вокзал Монпарнас, дали сэндвич с ветчиной и массу советов. Я ехал на трех дребезжащих поездах, один медленнее другого, и наконец прибыл, наверное, на самый крошечный вокзал в Европе.

Я сошел с поезда и услышал, как одновременно на перрон сбросили две почтовые сумки. Меня встретил мужчина с кепкой подмышкой. Он напоминал начальника вокзала, но на самом деле был сотрудником почты.

Глазами я искал на платформе кого-нибудь еще, и тут он окликнул меня по имени:

– Да, это я.

– Я вас ждал.

Я погрузил велосипед в его желтую машину, сел на переднее сиденье. По дороге сотрудник почты объяснил мне, что берет транспорт на себя, потому что у Рашель нет машины.

– Это мило, – сказал я, чтобы что-то сказать.

Ведь я не знал, кто такая Рашель.

Машина ехала, и в окно я видел болота, покрытые ряской, каналы и маленькие мосты. Погода была серая.

– Зато она дает мне яйца, – произнес он.

Машина въехала в рыжеватый лес.

– Яйца? – переспросил я.

Он не ответил. Я подумал о курице с объявления. Он остановил машину рядом с фермой.

– Вот, это здесь.

В тот момент я всё еще думал о яйцах и не мог понять, что к чему.

– До воскресенья, – сказал он.

Я вытащил велосипед из-под почтовых сумок.

Ферма напоминала большой курятник на опушке леса. Толкая велосипед, я вошел во двор. Я лавировал между вереницами цыплят. Хозяйку фермы звали Рашель. Казалось, она удивилась моему приезду.

Я быстро смекнул, что, кроме меня, на курсы больше никто не записался и что если Рашель когда-то и фотографировала, то это было очень давно. В доме не наблюдалось ни фотоаппаратов, ни лаборатории.

Рашель подала мне омлет. Затем показала ярусные кровати в сером деревянном доме.

– До завтра.

Посреди ночи я включил карманный фонарик, чтобы перечитать объявление.

Окунитесь в мир фотографии.

На другой стороне двора Рашель слушала музыку. Я снова уснул.

– Первые три дня ты будешь придумывать тему.

– Тему?

Снаружи было серым-серо, почти темно. Рашель наливала мне молоко и склоняла голову, чтобы не промахнуться. Она носила очки с толстыми, как кубики льда, стеклами.

– Гуляй, смотри вокруг, придумывай тему, понятно?

– Понятно.

И в течение трех дней я следовал ее указаниям. Утром я брал яйца, сваренные вкрутую, и уезжал куда-нибудь на велосипеде. Вечером возвращался и вместе с Рашель ел омлет при свете мигающей неоновой лампы.

А потом однажды утром появилась девушка на лодке, и поиски темы закончились.

Я придумал тему. Моя тема толкала лодку с помощью длинного шеста. Моя тема с голыми ногами стояла на цыпочках и срезала ивовые ветви, собирая их в охапки.

На третий день после обеда моя тема исчезла.

На обочине я отыскал телефонную будку, позвонил Рашель и глухим голосом сказал, что моя бабушка заболела, поэтому я должен вернуться домой. Кажется, Рашель обрадовали мои дурные новости.

– Ты доберешься до вокзала? Вызвать сотрудника почты?

Я сдерживал рыдания, затыкая рот рукой.

– Поеду на велосипеде.

– Что?

– У меня ведь есть велосипед.

Велосипед, кстати, лежал в канаве. Она повесила трубку. Я вернулся в лес, гонимый тоской.

Теперь я лежал на постели, пытаюсь забыться.

– Я видел снаружи раков, – вдруг сказал хозяин.

Неужели он ничего не заподозрил? Он говорил так, словно и не уезжал.

– Да, я поймал их вчера, – сказал я, потягиваясь. – Куда вы ездили?

– Недалеко. Далеко я больше не езжу.

Он вручил мне чашку горячего питья, пахнувшего ванилью. Я приподнялся на подушках.

Протянул руку.

– Осторожнее, горячо, – предупредил он.

– Нормально.

Я готов был обжечься, лишь бы он не увидел, что моя ладонь испещрена вчерашними записями.

В глубине каждого пакета, в чемоданах, имелась карточка с трехзначным или четырехзначным номером. Я выписал несколько номеров, чтобы позже выяснить, что из себя представляет странная коллекция.

Хозяин отошел.

На окне лежали груды тетрадей. Их-то мне и не хватало для моего расследования.

Всё, что я нашел в чемоданах, привело меня одновременно в восхищение и в замешательство. Я не знал, кто хозяин дома – бандит с большой дороги, старьевщик, сумасшедший или поэт. Ключ к разгадке, несомненно, таился в тетрадах. Но вчера я не успел до них добраться.

– Я хотел тебе сказать... – проговорил он негромко. – В поезде я кое о чем подумал.

Значит, он ездил на поезде.

Увидев новый чемодан, я решил, что стоит поискать в газетах информацию о недавних ограблениях, совершенных в этом регионе. Но за двадцать четыре часа на поезде можно даже пересечь границу. Он мог украсть бриллианты с королевской короны в Лондоне, в Брюсселе или Мадриде. К чему заниматься расследованием? Может, он вообще привез ржавый гвоздь в бархатном мешочке.

– Я кое о чем подумал...

Дремавшие собаки приподнимали веки от каждого слова. Наверное, им редко доводилось слышать его голос.

– Я должен с тобой поговорить...

– Хорошо.

– Ты уйдешь. Прямо сейчас.

– Почему?

– Я знаю, что ты переживаешь. Я про девушку. Я тебе говорил, что знаю, верно?

– Да.

– Ты должен уйти, уехать, чтобы оставить ее позади.

– Кого?

Я вдруг заметил акцент хозяина и его странную манеру строить предложения. Он хотел сказать что-то еще, но слова застряли у него в горле.

Он медленно произнес:

– Ее, грусть.

Я понял, о чем речь, еще до того, как он продолжил.

– Она может наполнить твою жизнь до краев и не оставить тебя в покое до самой смерти.

Я слушал.

– Но если есть возможность оставить грусть позади, в траве, надо это сделать. Надо оставить грусть в траве. Мягко объяснить ей, что ждешь от жизни чего-то другого.

Я представлял себе животное, притаившееся в траве на лугу, и себя, бегущего вперед.

– А вы? Что вы с ней сделали?

Он подошел ближе и улыбнулся. Опустил глаза.

– С кем?

– С грустью.

– Я не лучший пример.

– Я тоже.

– Но ты...

Он вдруг осекся и сказал:

– Лишь грусть может помочь мне возвратиться домой.

– Домой?

А затем он произнес слова, которые до сих пор, двадцать пять лет спустя, звучат у меня в ушах:

– Я должен оставить свою грусть в живых.

Собаки поднялись с пола и стали ластиться к хозяину.

– Где ваш дом?

– Собирайся. Я буду ждать на понтонном мосту.

Он вышел из комнаты вместе со своей сворой.

Я выглянул в окно и, увидев, что хозяин направляется к лодке, стремительно схватил одну из тетрадей.

Открыл на первой странице.

Черными чернилами там были выведены слова:

ДЖОШУА ПЕРЛ, ТЕТРАДЬ СЕДЬМАЯ

И ниже:

С 345 ДО 487

Я быстро глянул на цифры на своей ладони. Одна соответствовала той, что в тетради.

Я сел у окна, чтобы контролировать ситуацию. Хозяин был на понтонном мосту. Я выхватил из сумки фотоаппарат и сфотографировал первую страницу, надеясь, что утреннего света будет достаточно. У меня заканчивалась пленка. С помощью маленькой рукоятки я перемотал ее.

Снаружи Перл наблюдал, как плавают в воде его собаки.

Я вынул из сумки новую пленку. Спустя несколько секунд фотоаппарат был готов.

Я лихорадочно перелистывал страницы, водя пальцем по номерам, отпечатанным на левом поле.

410, 430, 460...

461.

Я поднял голову. Одна из собак вышла на берег с водяной курочкой в зубах. Понтонный мост был пуст. Господи.

Я положил открытую тетрадь, не успев ничего прочесть, сделал шаг назад, глядя в камеру. Когда дымка рассеялась и картинка стала четкой, я нажал на кнопку.

На мое плечо опустилась рука.

Что случилось дальше, я не помню.

Помню только, как проснулся в сумерках у дороги. Велосипед лежал в высокой траве рядом со мной.

7. Потерпевший кораблекрушение

Мармеладки сложно заворачивать в фантики.

Они эластичные и немного скользкие, несмотря на сахар. Поэтому Жака Перла не покидало ощущение, что он целыми днями упаковывает в папиросную бумагу вареную лапшу.

Клиентка, открыв рот, смотрела, как он управляется с конфетами. На ней были шляпка с бантиком, пальто с бантиком и туфли с большими бантами. Шелковый платок, завязанный петелькой, висел на ручке сумки.

В общем, сама клиентка была упакована хоть куда.

Это происходило в 1936 году. Два дня непрерывно шел дождь, а накануне ночью приключилась гроза, каких в Париже не случалось уже лет двадцать – хуже бомбардировок Первой мировой.

Перл завернул в гофрированный картон квадратные мармеладки, уже упакованные в папиросную бумагу, и взвесил фунт.

Мельком он бросил взгляд – сквозь витрину – на улицу.

Мальчик до сих пор стоял на мостовой под дождем.

Перл стал закручивать фантики, превращая их в банты.

– А с чем вон те черные?

– С ежевикой, мадам.

– Тогда поменяйте мне, пожалуйста, одну белую на черную.

Перл с улыбкой кивнул. Клиент – это король. Неслучайно на вывеске семейной лавки была изображена корона, отделанная жемчугом.

Он развернул сверток и поменял миндальную мармеладку на ежевичную.

– Желаете попробовать другие сорта?

Перл знал о нерешительности своих клиентов и предугадывал их желания.

– Нет. Поторопитесь. Меня ждет муж.

Он поменял бумагу под картоном, чтобы она была идеально гладкой, снова бросил взгляд на мостовую и продолжил упаковывать конфеты.

– А розовые с чем? – спросила дама.

– Я ведь только что вам их предлагал. Розовые – с розой.

– Да, логично, – произнесла дама так, словно ее принимают за идиотку. – Ну, дайте мне половинку розовой.

– Простите, мадам. Я не режу мармелад.

– Почему?

– Традиция «Дома».

Даму, казалось, очень задела новость о традиции.

– Господи... И с каких это пор вы не режете мармелад?

– Уже сорок восемь лет. Мать создала лавку в 1888 году, после смерти отца, Абея Перла.

– Это французское имя?

– Простите?

– Заверните мне целую розовую, раз уж вы не хотите приложить усилие...

– С удовольствием.

Он снова поменял шелковистую бумагу, подцепил розовую мармеладку серебряными щипцами, и по магазину тут же разнесся аромат розовых лепестков.

– Слушайте, ладно, не надо, – простонала дама. – Не кладите мне эту мармеладку. Меня ждет муж. Это слишком долго. К тому же я растолстею.

Муж, медлительность, полнота... Перл устало поглядел на клиентку. Он положил мармеладку назад, убрал на место щипцы и вернулся к упаковке.

– У вас совсем нет клиентов, бедняга.

Дама оглядела пустую лавку.

Господин Перл подумал, что хорошо бы откачать у дамы чуток жира, чтобы использовать его в качестве желатина для следующей партии мармеладок.

– Магазин, кстати, уже двадцать пять минут как закрыт, – произнес он, не повышая голоса. – Сейчас семь вечера. С утра я продал двадцать семь килограммов мармелада, несмотря на грозу столетия. Очередь тянулась аж до отеля напротив. Так что дела идут хорошо, мадам.

– Вы злитесь?

Но Перл даже не услышал вопроса. Он снова посмотрел на промокнувшего мальчишку на улице. Вода обрушивалась на него каскадом, ноги тонули в лужах.

– Если вы злитесь, я позову мужа, который ждет в машине на углу площади, – сказала дама.

– Я не могу оставить его вот так.

– Моего мужа?

– Мне надо выйти.

Перл положил пакетик с мармеладом, обогнул прилавок и направился к двери. По дороге он захватил зонт. Дама замахала руками.

– Оставьте его в покое!

Перл был уже снаружи. Он раскрыл зонт и перешел улицу.

Мальчик выглядел лет на пятнадцать-шестнадцать. Он стоял на ветру, прямой как штык, в одежде, мокрой до нитки. Он дрожал всем телом и в упор смотрел на вывеску магазина.

– Что ты здесь делаешь, парень?

Тот не ответил. Казалось, он даже не понял вопроса, только вперился взглядом в Жака Перла, словно ожидая какой-то опасности.

– Пойдем со мной.

Перл взял мальчика под руку, и они вместе зашагали под зонтом. По пути им встретилась дама из магазина, которая бежала по улице, забыв свои мармеладки.

– Все вы одинаковы... – буркнула она, бросив на Перла сердитый взгляд.

Ветер вывернул ее розовый зонтик, который теперь напоминал факел. Она вскрикнула, замахала руками, делая знаки большой машине, едущей прямо на нее. Перл прошел мимо, оставив задыхающуюся, словно тонущую даму посреди моря на мостовой.

Теперь мальчик сидел на стуле в лавке. На плечах у него было полотенце. Жак Перл закрывал магазин и укутывал мармеладки легкой тканью, словно укладывал спать детей.

– Как же мне не нравится эта история.

В его голосе чувствовалось сильное волнение.

– Жена ждет меня уже целый час. Что она скажет, если я приду с тобой? Откуда ты свалился?

Перл стал выключать свет.

– Попытайся выдать из себя хоть слово, парень. Имя свое хотя бы. Что ты делал на улице в такую грозу?

Мальчик молчал. Он больше не дрожал. Он смотрел то на лампочку над головой, то на Перла. Хозяин магазина выключал свет, складывал в ящик ножницы, вытирал тряпкой сахар с прилавка, запирали кассу. Каждый его жест был отработан, идеален. Мальчик любовался прозрачным символом «Дома Перла» на витрине.

Вдруг Перл замер на месте.

– Ты говоришь по-испански?

Вот уже несколько месяцев из-за гражданской войны молодые беженцы переходили через Пиренеи. Французские власти с них глаз не спускали. Но, кажется, парень даже не слышал о существовании Испании.

Продолжая внимательно рассматривать мальчика, Перл снял фартук и повесил его за прилавком.

– Надеюсь, моя жена не слишком разозлится.

На этот раз Перл почти улыбнулся.

Госпожа Перл встретила их руганью. И как только ее муж додумался так долго держать мальчика в мокрой одежде? Она расстегнула рубашку на госте, словно тому было пять лет, и побежала в маленькую комнатку в конце коридора, где стоял шкаф с одеждой их сына.

Жак Перл помог молодому человеку переодеться. В ванной под зеркалом лежало огромное количество разных расчесок, однако вихры парня укротить не удалось.

Перл отвел гостя на кухню. Молодой человек был красив и бледен, как жених перед свадьбой. На столе лежали приборы для гостя, мадам Перл разливала суп. Ее пышная фигура занимала почти всю кухню, но госпожа Перл была столь проворна, что казалось, будто предметы сами уступают ей место: вот стол из лакированного дерева отодвинулся в сторону, вот бутылки и мельница для перца сделали шаг назад.

Стоя у окна, мальчик покачивался, опьяненный теплом, уютом и запахом паркетного воска.

Вечером Перлы уложили мальчика спать в комнате сына.

А сами долго не могли сомкнуть глаз. Держась за руки под одеялом, они словно чего-то ждали. Было слышно, как мальчик ворочается в постели.

Перлы специально оставили все двери открытыми, чтобы чувствовать присутствие чужого человека в доме.

– Завтра решим, что делать, – сказал Жак Перл.

– Да, завтра.

Мальчику было столько же, сколько Джошуа, их единственному сыну, когда тот умер. Два года назад.

– У бродяг не такие руки, – со знанием дела сказала мадам Перл.

– Да.

– Слышишь?

Паркет в комнате Джошуа скрипел.

Жак Перл встал. Из коридора тянуло свежим воздухом. Гость открыл окно. Он смотрел на дождь, протягивал ладони, ловил капли и слизывал их языком. Мальчик закутался в красное одеяло, которое тянулось за ним королевским шлейфом.

Перл бесшумно сходил за кувшином воды и поставил его рядом с кроватью мальчика. Тот обернулся.

На следующий день Жак Перл усадил гостя на табурет за прилавком, оставил жену хозяйничать в магазине, а сам отправился в центр глухонемых. За завтраком, внимательно приглядевшись к юноше, господин Перл вдруг подумал, что тот, возможно, сбежал из специализированного учреждения.

Перл толкнул ворота и спросил у консьержа, не сообщалось ли о побеге.

– Почему вы спрашиваете? Вы кого-то нашли?

Нет, конечно. Но в такую погоду на улице не очень-то безопасно. У вас все пациенты на месте?

– Какого возраста?

Пятнадцати-шестнадцати лет... Я... Я наобум возраст называю. Это гипотеза.

– Что?

– Гипотеза.

Консьерж отпрянул, словно гипотеза – заразная болезнь вроде пневмонии или чумы. Перл уточнил:

– Если бы парень лет пятнадцати на свою беду оказался на улице в такую погоду...

Консьерж пригладил пальцами усы.

– Нет. У нас все на месте.

– Тем лучше. Спасибо, месье.

С глубоким облегчением Перл направился к выходу. Консьерж побежал за ним.

– Месье!

Перл обернулся.

– Если вы нашли пятнадцатилетнего мальчика, его стоит отвести в полицию.

– Никого я не находил. Благодарю вас.

Он почти побежал по улице мимо Люксембургского сада. Ярко светило солнце.

Вернувшись в лавку, Перл обнаружил, что клиенты не обращают никакого внимания на мальчика, который, сидя в уголке, тихонечко наклеивал этикетки на пакеты. Мальчик очень старался. Мадам Перл время от времени бросала на него покровительственные взгляды. Завидев мужа, она вопросительно подняла подбородок. Перл спокойно покачал головой – мол, ничего нового. Глаза супругов светились радостью.

Перл решил, что сделал всё возможное. И разгадать тайну мальчика ему, увы, не суждено. Если серьезно: куда еще он мог пойти? О полиции он и слышать не желал. Если кто-то потерял мальчика, пусть придут и заберут.

Вот так в доме Перла появился неожиданный гость, чудесный пассажир грозы, прибывший вместе с дождем и ветром. Супруги называли его «паренек», «малыш» или «испанец». Он быстро сделался незаменимым человеком в лавке, работал за троих и постепенно выучил французский – по вечерам мадам Перл занималась с ним на кухне. Меланхолический мальчуган оказался умным, живым, очаровательным. У него были странный акцент и серые глаза.

8. Слуховое окно

В него влюблялись девушки. Одна из них, по имени Роза, приходила каждый вечер на протяжении всего лета 1938 года. После закрытия лавки они час гуляли, а затем парень провожал красавицу в пассаж «Прадо», где ее отец держал парикмахерскую. Возвращаясь домой, он видел мадам Перл, которая ждала его у окна. Он поднимался по лестнице. Специально для него хозяйка оставляла дверь открытой.

Она окликала его:

– Как дела, малыш?

Он сидел за стол и смотрел, как мадам Перл чистит картошку или рыбу. Она отказывалась от его помощи и смотрела на него с нежностью. Он послушно держал руки под столом.

– Погулял?

Он кивал.

– Это хорошо, – говорила мадам Перл. – Не хочешь пригласить девушку в кино?

– Нет.

Мадам Перл знала, что походы в кино помогают отношениям развиваться.

– Вы общаетесь?

– Немного.

– Она очень красива.

Он снова кивал.

– Еще заходила девушка из кафе. Как ее зовут?

– Адрианна.

– Красивое имя. Только вслушайся... А-а-а-адриа-а-а-анна-а-а...

Мадам Перл начинала смеяться.

– Я понимаю, почему они все влюбляются. Что за дивный акцент у тебя? Когда-нибудь расскажешь, дикарь ты мой милый?

Иногда мадам Перл случалось слышать, как мальчик говорит на родном языке. От этих звуков она содрогалась ночами.

Бывали и плохие дни. Дни, когда их мальчик словно перевоплощался. Он закрывался в комнате, орал, выталкивая Жака Перла, который пытался помочь. Потом исчезал на какое-то время. Мадам Перл называла такие срывы «днями гнева».

От этого гнева дрожали стены, и дом сотрясался от чердака до погреба.

Мальчик казался одержимым. Он проклинал небеса, раздирал пуховые подушки. Он кричал, что хочет избавиться от себя, покинуть этот мир. Сражаясь с самим собой посреди поля боя, заваленного белым пухом, мальчик выкрикивал фразы на родном языке, которые звучали подобно стонам больного или вою волка, попавшего в ловушку. Он распахивал шкафы и пытался пробить их насквозь ножками стула, словно искал выход. Он кричал что-то о потерянных дорогах. Когда его крики стихали на улице, мадам Перл начинала подметать осколки разбитых тарелок. Потом относила соседям килограммы сладостей, чтобы извиниться.

Несколько дней спустя мальчика находили в заднем помещении лавки. Он старательно лепил мармеладки.

– Как дела, малыш?

Он поднимал глаза, и было видно, что на некоторое время он успокоился. Никто не знал, куда он убегал. Но сладостное ощущение его присутствия, его ловкие руки и бездонные глаза заставляли забывать о плохом.

Каждый год накануне Рождества лавка Перла открывалась для детей. Они прибежали целыми толпами, словно маленькие варвары с ранцами за плечами. Перед дверью они на секунду останавливались, чтобы отдышаться, пригладить волосы, глядя в витрину, и затем по очереди, не толкаясь, заходили в магазин. Слишком взрослые девочки брали за руку маленьких, чтобы не привлекать внимания к своему возрасту. И без того вежливые дети старались вести себя безукоризненно, говорили «Здравствуйте, мадам!»; «Веселого Рождества, месье!» Даже маленькие шалопаи и хулиганы с кепками в руках вели себя тише воды ниже травы, зачарованные порядком, золотистым светом, красками, запахами: дети словно шагали по сахарным облакам.

По случаю Рождества каждый получал в подарок мармеладку в белой бумаге с красными буквами.

Двадцать четвертого декабря клиенты уступали очередь детям. Получив угощение, ребята не спешили уходить – уж больно хорошо было в лавке. Они медленно шагали к выходу. Впрочем, никто не рисковал подходить к прилавку дважды. Ведь господин Перл изобрел приговор «семь лет без мармелада» – для тех, кто попытался бы смухлевать. А когда тебе шесть или восемь, такой срок равносителен вечности.

К тому же здесь, в еврейском квартале маленьких лавочек и ателье, зимой 1938 года лучше было бы не думать о том, что будет с этими детьми через семь лет, после войны.

Когда волна ребятишек схлынула, мальчик отправил Перлов домой.

– Я всё закрою. Идите спать.

Жак Перл не спорил. Он видел, как устала жена, да и сам уже с трудом держался на ногах.

Утром этого дня посреди толпы детей в лавку заявили двое полицейских. Перл отвел их в отдельную комнатку.

Они пришли за неким Джошуа Перлом, которого обвиняли в уклонении от воинской обязанности. Перл слушал жандармов раскрыв рот, а затем сказал, что его сын первым бы отправился защищать свою страну. Если бы не умер пять лет назад.

Перл был совершенно спокоен. Но вдруг один из полицейских, нос которого подрагивал в такт словам, спросил:

– Вы уверены?

И тут Жак Перл отчетливо вспомнил тело сына под простыней в гостинной. По лицу хозяина лавки жандармы поняли, что им лучше убраться восвояси.

К восьми вечера сердце Перла так и не успокоилось. Он взял под руку жену и повернулся к мальчику.

– Спасибо, малыш. Когда закончишь, сходи к штукатуру с улицы Сентонж, у него праздник, и все три его дочки вчера по очереди заходили за тобой. Развлекись немного.

Супруги поцеловали мальчика в лоб и пошли домой. Они старались не отмечать Рождество. Так они проявляли оставшееся у них религиозное чувство.

Оставшись один, мальчик тщательно вымыл прилавок. После грандиозной распродажи в лавке не оставалось ничего, и на следующий день «Дом Перла» всегда бывал закрыт.

Мальчик подмел пол. Он умел прибираться. Печь не горела, но от нее до сих пор шло тепло. У двери под занавеской лежала книга в потрепанном переплете.

Мальчик поднял книгу, вытер ее. Наверное, кто-то из детей уронил, когда приходил за мармеладом.

У Перлов книг не водилось. Только толстый словарь за стеклом в шкафу, запертом на ключ. И больше ничего. Каждый день супруги читали газеты, спеша узнать, что происходит в мире. Если маленькому Джошуа когда-то и дарили книги, то их давным-давно раздали знакомым.

Мальчик посмотрел на золотую с красным обложку. Затем положил книгу на прилавок.

Еще оставалось прополоскать огромную бадью. Он отнес ее в раковину в подсобном помещении. Он повернул кран, чтобы наполнить емкость, и, пока вода текла, вернулся к прилавку.

Стремясь занять руки, мальчик перетасовал карандаши в стакане, соскреб застывший сахар с краешка оловянной посуды, а затем наугад открыл книгу.

Наклонился, чтобы прочесть одну строчку. Первую, которая попадется.

Читал он плохо и медленно, но слова буквально подступили к горлу.

Пораженный, он поднял голову, поспешил выключить воду, которая уже грозила перелиться через край, и вернулся к книге. Еще раз перечитал фразу. Все слова стояли на своих местах. Он закрывал глаза, снова открывал: фраза никуда не исчезала.

Он продолжал читать. Он понимал не всё, но текст казался ему смутно знакомым. Маленькая книжечка за полтора франка вызвала бурю эмоций. Он чуть не плакал. Что происходило?

Мальчик наконец нашел тропинку, которую искал, круша шкафы. Нашел слуховое оконце в свой потерянный мир.

За три года он ни разу не видел связи между тем миром, где очутился, и лабиринтом своих воспоминаний. Между ними была бездна. И в этой бездне закипали его безумие и гнев. Мог ли он доверять собственной памяти? Он уже начинал думать, что его голова набита иллюзиями, мечтами о любви прекрасной феи.

Однако на страницах книги внезапно возник тот самый мир из закоулков памяти. Речь шла не о нем, но он узнавал сюжет. В книге описывались королевства, несчастные принцы и колдовство. Всё это вдруг снова стало реальным. Словно кто-то отпечатал память на листе бумаги.

Он чувствовал, как слезы затекают за ворот рубашки.

Стена тюрьмы, куда он был заключен, треснула. Трещинка была совсем небольшой, но сквозь нее просачивалось тепло, оно наполняло комнату и давало надежду, что где-то существует потайная дверь, в которую он однажды войдет.

Надо было уехать и исследовать мир, чтобы ее отыскать.

Он выключил свет и долго стоял в темноте под тусклым светом, который бросал на «Дом Перла» уличный фонарь.

Когда три дочери штукатурки пришли за ним и уткнулись носами в витрину, он спрятал книгу. Девушки делали ему знаки. Он открыл дверь.

– Ты идешь?

Они возвращались после полуночной мессы. На них были самые красивые шали, из которых едва виднелись щеки и глаза.

Сюзанна, самая старшая, почти не разговаривала.

От девушек пахло горячим воском и ладаном. Он последовал за ними, слушая ритмичное постукивание их деревянных каблучков по мостовой.

Это было первое и последнее Рождество, которое он провел с настоящей семьей, поедая каштаны с пылу с жару. Три сестры сидели на диване в гостиной, прижавшись друг к другу. Их отец немного волновался из-за того, что дочери привели молодого человека. Повсюду горел свет. Хозяйка, как все остальные хозяйки в этом городе и в этом мире, извинялась за то, что курица то ли слишком хрустящая, то ли слишком ароматная, то ли слишком сочная.

Сюзанна бросала на него внимательные взгляды. Младшая, Колетт, заливисто смеялась, глядя то на гостя, то на сестру. Но он, казалось, был далеко отсюда. Подойдя к окну, гость отодвинул занавеску и посмотрел на темную улицу. Он уже знал, что должен уйти и посвятить свою жизнь поискам.

Это случилось через три дня. Он был в лавке один, когда снова пришли жандармы. Они хотели задать несколько вопросов Жаку Перлу.

– Господина Перла еще нет.

– Может, вы сможете нам помочь.

Полицейских было трое. Они объяснили, что не обнаружили официальных документов о смерти Джошуа Перла. Возможно, мальчик сбежал, чтобы уклониться от воинской обязанности.

– Сейчас не время для дезертирства, учитывая обстоятельства.

Парень с отсутствующим видом озирался по сторонам.

– Вы слышите?

Нет, кажется, он ничего не слышал.

– Я должен поговорить с отцом Джошуа Перла, – сказал полицейский, сделав знак своему коллеге. Парень явно вел себя неадекватно.

– У вас есть документы, молодой человек?

Мальчик сделал глубокий вдох, обошел прилавок и снял фартук.

– Я Джошуа Перл.

Он схватил возможность за хвост, как бродяги, которые запрыгивают в поезд, не зная, куда тот направляется.

Парень надел пальто, оставил у кассы записку и удалился вместе с жандармами.

Спустя девять месяцев, в сентябре 1939 года, началась война.

Парень в форме второго полка спаги¹ заехал в Париж, чтобы попрощаться с Перлами. Он ехал из Марокко и готовился к сражению с немцами.

Жак и Эстер Перл любовались этим солдатиком, красивым, как игрушка. Супруги не знали, что видят мальчика в последний раз. Не знали они и о том, что на внутренней стороне его формы вышито имя их умершего сына Джошуа Перла.

¹ Спаги (фр. Spahi) – род легкой кавалерии, входивший в состав французской армии. Комплектование происходило в основном из местного населения Алжира, Туниса и Марокко. Термин представляет собой французскую транскрипцию названия турецких кавалеристов – «сипахи». – *Примеч. ред.*

9. Жил-был

Об истории Джошуа Перла я знал лишь одно: она начиналась со слов «Жил-был».

Остальное я узнал после того, как увидел его осенним днем перед горой чемоданов. Я узнал, откуда он родом.

Жил-был влюбленный король, и правил он одним прекрасным королевством.

Порой, когда король уезжал в далекие путешествия, он просыпался ночью и приказывал седлать лошадь. Ни реки, ни заснеженные горы не могли его остановить. Он мог скакать галопом семь дней и семь ночей, чтобы только увидеть, как спит его королева.

Однажды у королевы родился сын. Его называли Ян в честь отца, дедушки и всех, кто правил королевством вот уже тысячу лет. Когда Яну исполнилось семь, королева опять забеременела, и, поскольку лето выдалось жарким, король приказал построить для жены маленький летний дворец посреди озера, окруженного сосновым лесом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.